

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Форт Уильям, Северо-Шотландское нагорье
Август 1716 года*

Ужасный и мощный, с оскаленными, как у дикого зверя, зубами, Мясник выпрямился, глядя, как английский солдат безжизненно оседает на землю у его ног. Он откинул взмокшие волосы со лба и, опустившись на колени, вытащил ключи из кармана убитого. Мясник бесшумно зашагал по холодному проходу между бараками, не обращая внимания на смрад — смесь старого пота и рома. Все, что его интересовало, — это лестница, по которой он сможет подняться в покои своего врага.

Его окутывала ледяная мгла смерти. Она делала его еще сильнее и ожесточала, увлекая на самый верх, к тяжелой дубовой двери офицерских покоев. На верхней площадке Мясник на мгновение замер и прислушался, готовый к появлению очередного настырного часового, но вокруг было тихо. Предвкушая момент долгожданной мести, он слышал лишь собственное прерывистое дыхание и биение своего сердца.

Он поправил пристегнутый к спине щит и покрепче стиснул короткую рукоять секиры. Его рубаха была измазана грязью и пропитана потом за те многие дни, которые он провел в седле, и ночи, когда ему приходилось спать на траве. Но все это того стоило, потому что сладостный миг наконец-то наступил. Пришло время сразить недруга. Уничтожить память о том, что произошло в саду в тот холодный ноябрьский день. Сегодняшнее убийство будет посвящено его клану, его стране и его возлюбленной. Пощады не будет. Он нанесет удар, и этот удар будет неотвратимым.

Уверенной рукой он вставил ключ в замок, вошел в комнату и затворил за собой дверь. Выждав мгновение, чтобы позволить глазам привыкнуть к темноте, он бесшумно шагнул к кровати, на которой лежал его спящий враг.

Леди Амелии Темплтон снилась бабочка, порхающая над полем, подернутым дымкой цветущего вереска, когда какой-то негромкий звук заставил ее пошевелиться в постели. Хотя, возможно, это было предчувствие, а не звук? Ощущение приближающегося рока? Ее сердце бешено забилося, и она открыла глаза.

Это был кошмарный сон. Он не снился ей уже много лет, с тех пор как она была маленькой девятилетней девочкой, и ужасы резни, происшедшей тогда у нее на глазах, каждую ночь проплывали перед ней снова и снова. В тот страшный день она прижалась носом к окну экипажа и смотрела на кровавую битву между бандой мятежных горцев и кучкой английских солдат, сопровождавших их с матерью в Шотландию. Они приехали в гости к ее отцу, полковнику английской армии.

Амелия смотрела, как грязные горцы перерезали горло солдатам и забивали их насмерть камнями, валяющимися на дороге. Она слышала крики, мольбы о пощаде, быстро заглушаемые острыми стальными лезвиями, вонзенными прямо в сердце. И когда она уже думала, что все закончилось, когда крики и рыдания стихли, сменившись зловещей тишиной, дверца экипажа распахнулась и уродливый, забрызганный кровью дикарь вперил в нее свой горящий взор.

Дрожа от страха, Амелия прильнула к матери. Ей показалось, что он разглядывал ее целую вечность; потом дикарь захлопнул дверцу перед самым ее лицом и вместе со своими сообщниками скрылся в лесу. Они исчезли в густом, окутавшем нагорья тумане, подобно стае волков.

За минувшие годы ужас, который испытала тогда Амелия, ничуть не ослаб, но теперь к нему примешивался гнев. Ей хотелось убить дикаря, который много лет назад открыл дверцу ее кареты; хотелось встать и закричать на него, а потом убить его голыми руками. Доказать ему, что она не боится.

Пол скрипнул, и девушка повернула голову на подушке. Нет, этого не может быть. Она, должно быть, все еще спит... Сквозь мрак к ней крался горец... Амелию охватил ужас. Она отчаянно напрягала зрение, вглядываясь в темноту.

Ее ушей достиг едва слышный звук шагов, и внезапно рядом оказался горец с занесенной над головой секирой.

— Нет! — закричала она, вскидывая руки в попытке заслониться от удара, несмотря на понимание, что тяжелое лезвие без труда расщепит ее пальцы. Она зажмурилась.

Когда смертельного удара не последовало, Амелия открыла глаза. Мускулистый дикарь, тяжело дыша, стоял возле ее кровати. Его секира была занесена и сверкала в лившемся из окна лунном свете. Длинные волосы дикаря слиплись от грязи, или пота, или речной воды — точнее она понять не могла. Но самым ужасным было то, что в его глазах светился поистине адский огонь ненависти.

— Ты не Беннетт, — произнес он с гортанным и рычащим шотландским акцентом.

— Да, не Беннетт, — ответила девушка.

— Кто ты?

— Я Амелия Темплтон.

Он все еще не опустил свое злое оружие, она тоже не опускала дрожащие руки.

— Ты англичанка, — прорычал он.

— Верно. А кто ты и как ты смеешь посреди ночи врваться в мою спальню?

Она и сама не понимала, откуда взялось у нее столько храбрости и решимости, чтобы дерзко поинтересоваться его именем, в то время как сердце, подобно молоту, стучало у нее в груди.

Горец сделал шаг назад и опустил секиру. У него был низкий, наводящий ужас голос.

— Я — Мясник, и если ты, девушка, закричишь, это будет твой последний вздох.

Она прикусила язык, потому что ей не раз приходилось слышать рассказы о кровожадном Мяснике Нагорий и его мерзких предательских действиях. Всюду, где он появлялся, за ним тянулся

кровавый след. Если верить легенде, он был потомком Гиллиана Боевого Топора, который некогда разгромил подошедший к берегам Шотландии флот викингов. Мясник никогда не расставался со своим ужасным орудием смерти и был якобитским предателем до мозга костей.

— Если ты тот, за кого себя выдаешь, почему ты меня не убил? — спросила Амелия, ощущая дрожь во всем теле от страха и неуверенности.

— Сегодня вечером я хотел убить другого человека. — Его быстрые, как у зверя, глаза обежали комнату, словно в поисках того, за кем пришел. — Чья это комната?

— Здесь нет никого, кроме меня, — попыталась напомнить ему девушка, но его пылающий взгляд обдал ее таким жаром, что она решила ответить подробнее. — Если вы ищете полуполковника¹ Ричарда Беннетта, то мне жаль вас разочаровывать, но он покинул форт.

— Куда он уехал?

— Я точно не знаю.

Он разглядывал ее освещенное луной лицо.

— Ты его шлюха?

— Простите?

— Если это так, я мог бы отрубить тебе голову прямо сейчас и оставить ее в коробке на этом столе, чтобы он мог полюбоваться ею по возвращении.

Тошнотворный ужас перевернул все ее внутренности, когда она представила себе свою голову в коробке. Куда он положит все остальное, что от нее останется? Вышвырнет обезглавленное тело в окно?

Она попыталась выровнять дыхание. Вдох-выдох...

— Я не шлюха полуполковника Беннетта. Я его невеста. Мой отец был полковником английской армии и пятым герцогом Уинслоу. Так что, сэр, если вы хотите меня убить, сделайте это поскорее. Я вас не боюсь.

¹ Военное звание (чин) в XVII и начале XVIII веков. Современный русский вариант — подполковник. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

Это была ложь, но она решила, что не позволит ему увидеть ее страх.

Что-то в его лице переменилось. Большой рукой он крепко сжал рукоять секиры и приподнял оружие, опершись им на край кровати. Амелия безмолвно уставилась на ужасный крюк на конце топора, прижавшегося к ее бедру. Она также заметила огромный палаш в ножнах и кремневый пистолет на поясе.

— Вставай, — скомандовал он, ткнув в нее концом секиры. — Я хочу на тебя взглянуть.

Амелия сглотнула подкативший к горлу тошнотворный ком. Неужели он решил ее изнасиловать и лишь затем убить?

Да поможет Господь им обоим, если он попытается это сделать!

Он ткнул ее сильнее, и она, аккуратно откинув одеяло, опустила ноги на пол. Пристально глядя ему в глаза и стискивая одной рукой ворот сорочки, она встала.

— Подойди ближе, — скомандовал он.

Шагнув вперед, Амелия обратила внимание на скульптурно безупречные черты его лица и резко очерченные скулы, на странные, непонятной ей страстью горевшие глаза. Их взгляд зачаровывал. Она почувствовала, что начинает подчиняться им.

Мясник попятился, и она пошла за ним. Она ощутила запах его пота. У него были широкие плечи, массивные бицепсы и огромные мозолистые руки. Это были руки воина, загрубевшие за годы сражений и убийств.

Она снова перевела взгляд на его свирепое и одновременно удивительное лицо и ощутила пустоту в животе. Как ей ни хотелось быть смелой — а в своем сне она всегда была смелой, — она знала, что не сможет тягаться с этим чудовищем. Она понимала, что у нее нет возможности его одолеть, что бы она ни предприняла. Если он захочет надругаться над ней или убить ее, ничто не сможет ему помешать. Она была абсолютно беспомощна: он мог повергнуть ее на пол одним взмахом своей жуткой секиры.

— Что касается твоего жениха, — хриплым голосом произнес он, — то я собирался отполировать на нем свою секиру.

— А сейчас ты хочешь отполировать ее на мне?